

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ XVIII, № 7.

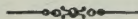
ОТЧЕТЪ

КОМИССИИ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ГРАФА Н. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКИ

ЗА БІОГРАФІЮ КАНЦЛЕРА КНЯЗЯ А. А. БЕЗБОРОДКИ.

(Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанъ имъ въ
публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 6 апрѣля
1878 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюнь 1878 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Отчетъ Комиссіи о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева Безбородки за біографію Канцлера Князя А. А. Безбородки.

(Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ, и читанъ имъ въ публичномъ
засѣданіи Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.).

Въ октябрѣ 1856 года графъ Н. А. Кушелевъ-Безбородко пожертвовалъ 5,000 руб., съ тѣмъ чтобы какъ изъ этого капитала, такъ и изъ процентовъ съ него учреждена была при Академіи Наукъ премія за лучшее жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородки. При этомъ было постановлено, что въ сочиненіи должно быть изложено, съ надлежащею полнотою, все что касается не только частной жизни князя Безбородки, но и дѣятельности его какъ государственнаго человѣка, въ связи съ духомъ времени и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился: авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные, источники, но и архивные и вообще еще неизданные матеріалы. Всѣ представленные авторомъ главные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ неизданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію, въ видѣ приложенія къ оному.

Срокомъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ на первый разъ было назначено 1-е декабря 1874 г. Въ случаѣ, если къ этому сроку будетъ доставлено хотя одно сочиненіе, Академія приступитъ къ его разсмотрѣнію, и буде оно признается достойнымъ награды, то отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ прочтенъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 6-го апрѣля 1875 г.,

въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года. Въ случаѣ же неполученія Академіею къ вышеозначенному сроку ни одного сочиненія или неудовлетворительности представленныхъ ей сочиненій, конкурсъ будетъ возобновляться ежегодно до тѣхъ поръ, пока не явится сочиненіе, которое удостоится преміи.

Вся сумма, какая составитъ изъ капитала, пожертвованнаго для сей цѣли покойнымъ графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкою въ 1856 году, и изъ процентовъ, которые съ того времени нарастутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи, назначается автору въ награду за его трудъ и на покрытіе расходовъ по изданію въ свѣтъ сочиненія и приложенныхъ къ нему документовъ; она будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его сочиненія.

Князь Безбородко, не смотря на роль, которую онъ игралъ въ событіяхъ и политикѣ царствованія Екатерины II, до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія въ нашей исторической литературѣ. Можно даже сказать, что заслуги его и значеніе еще не были вполне оцѣнены. О немъ ходило нѣсколько анекдотовъ, которые приводились въ доказательство его необыкновенной памяти и находчивости, говорилось о его участіи въ присоединеніи Крыма и въ заключеніи яскаго мира, но обстоятельства его жизни не были достаточно извѣстны и, кромѣ двухъ-трехъ краткихъ и поверхностныхъ очерковъ его жизнеописанія, не было ни одной посвященной ему монографіи. Н. И. Григоровичъ, рѣшившись пополнить этотъ недостатокъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Россіи за вторую половину XVIII столѣтія, употребилъ около 10-ти лѣтъ на самое тщательное изученіе его жизни и характера. Такимъ образомъ произвелъ объемистый трудъ, представленный на судъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени*. Рукописный текстъ этого изслѣдованія занимаетъ два большіе тома въ листъ, къ кос

торымъ присоединяются еще приложенія въ трехъ такихъ же томахъ. Комиссія, назначенная Академіею Наукъ для разсмотрѣнія его и состоявшая изъ академиковъ: А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, А. А. Куника, И. И. Срезневскаго и М. И. Сухомянова, нашла трудъ г. Григоровича вполне соотвѣтствующимъ условіямъ, постановленнымъ учредителемъ преміи за лучшее жизнеописаніе князя Безбородки. Заключение это было одобрено общимъ собраніемъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго марта.

Благодаря труду г. Григоровича, нравственный и политическій обликъ знаменитаго государственнаго мужа является намъ теперь въ весьма полномъ и опредѣленномъ очертаніи; это цѣльный, очень характерическій образъ, возникающій изъ подробнаго разсмотрѣнія общественной и частной его жизни. Чтобы показать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, мы представимъ обзоръ какъ плана, которому онъ слѣдовалъ, такъ и содержанія его монографіи. Но прежде остановимся на источникахъ, которыми онъ пользовался.

Само собою разумѣется, что для доставленія возможной полноты и достовѣрности своимъ изслѣдованіямъ, г. Григоровичъ старался не упустить ни одного изъ тѣхъ матеріаловъ, которые ему представляли не только печатные документы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, но и въ особенности хранящіеся въ архивахъ государственныхъ и частныхъ. Ему были открыты архивы сената, синода, государственнаго совѣта, министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, почтоваго вѣдомства, главнаго штаба въ обѣихъ столицахъ и императорскаго кабинета. Изъ частныхъ архивовъ онъ имѣлъ доступъ къ бумагамъ: кн. Сергѣя Викт. Кочубея, гр. Григ. Александр. Кушелева-Безбородки, гр. Алексѣя Ив. Мус.-Пушкина, гр. Григорія Александр. Милорадовича и Петра Аркад. Кочубея.

Изъ архивовъ частныхъ лицъ первое мѣсто, по обилію извлеченныхъ свѣдѣній, занимаетъ Диканьскій, принадлежащій князю Кочубею, внуку кн. Безбородки. Посѣтивъ въ 1869 г. Диканьку по приглашенію просвѣщеннаго хозяина, г. Григоровичъ нашелъ

въ немъ драгоцѣнныя письма Безбородки къ отцу и матери, также къ другимъ родственникамъ и къ графамъ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ. Интимное содержаніе этихъ писемъ, говоритъ г. Григоровичъ, ставить ихъ въ рядъ весьма важныхъ источниковъ для обоихъ царствованій 2-й половины XVIII стол. Политика наша въ ту эпоху и придворныя интриги живо и откровенно описаны кн. Безбородкою, что и заставляло его весьма нерѣдко просить того или другого изъ братьевъ Воронцовыхъ сжигать его письма; но къ счастью, участь эта миновала ихъ. Изъ писемъ же графовъ Воронцовыхъ къ нему сохранились весьма немногія. Большая часть ихъ вѣроятно сожжена самимъ Безбородкою, который чистосердечно сознавался въ этомъ графу Семену Романовичу. Столь же важное историческое значеніе имѣютъ письма Безбородки къ Потемкину, особенно за время когда послѣдній былъ вдали отъ двора, т. е. за время 2-й турецкой войны и шведской кампаніи. Изъ писемъ, адресованныхъ къ Безбородкѣ, особенно интересны писанныя Викт. П. Кочубеемъ изъ Турціи, гдѣ онъ занималъ постъ посланника. Въ пополненіе сокровищъ, почерпнутыхъ изъ Диканьскаго и Рѣшетиловскаго архивовъ, г. Григоровичъ имѣлъ возможность снять копіи съ писемъ и бумагъ канцлера, хранящихся у гр. А. И. Мусина-Пушкина, доставшихся ему послѣ смерти гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, графа Г. А. Милорадовича и кн. П. В. Кочубея.

Кромѣ того, г. Григоровичу были доставлены: весьма важныя письма князя Безбородки, адресованныя къ другу его Николаю Александровичу Львову, — составителемъ этого отчета; матеріалы, собранныя изъ государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, — сенаторомъ А. А. Половцовымъ; изъ Рѣшетиловскаго архива — вице-предсѣдателемъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевичемъ, а также академикомъ А. Θ. Бычковымъ, М. И. Семеvскимъ, Н. Θ. Дубровинымъ, Г. Н. Александровымъ, П. И. Бартеневымъ и П. В. Киселевымъ.

Можно надѣяться такимъ образомъ, что изъ доступныхъ

въ настоящее время въ предѣлахъ Россіи рукописныхъ источниковъ для біографіи Безбородки, весьма немногіе развѣ не были въ рукахъ г. Григоровича. Всѣ документы, которые служили ему источниками, указаны имъ и отчасти сообщены въ извлеченіяхъ или цѣликомъ въ приложеніяхъ къ біографіи, тщательно собранныхъ въ заключеніи труда, вмѣстѣ съ дополнительными къ тексту примѣчаніями. Изданіе однихъ этихъ документовъ, представляющихъ между прочимъ цѣлыя коллекціи писемъ, государственныхъ актовъ, докладовъ и другихъ трудовъ Безбородки, само по себѣ составило бы уже не малую заслугу для пополненія источниковъ русской исторіи прошлаго вѣка.

Г. Григоровичъ не имѣлъ возможности воспользоваться только тѣми извѣстіями о кн. Безбородкѣ, которыя разбросаны въ заграничныхъ архивахъ; но такъ какъ извлеченіе свѣдѣній изъ этихъ отдаленныхъ родниковъ исторіи всегда бываетъ сопряжено съ особенными затрудненіями для частныхъ лицъ, то отсутствія ихъ и нельзя ставить въ упрекъ автору настоящаго изслѣдованія, которое, и при этомъ недостаткѣ, всетаки представляетъ на первый случай значительную степень полноты по богатству собранныхъ въ отечествѣ и въ иностранной литературѣ матеріаловъ.

Біографія, разработанная г. Григоровичемъ, состоитъ изъ 23-хъ главъ, расположенныхъ частью въ хронологическомъ порядкѣ обстоятельствъ жизни Безбородки, частью по различнымъ отраслямъ его дѣятельности и сторонамъ жизни. Къ послѣднему роду отдѣловъ относятся напимѣръ слѣдующіе: отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію, — домашняя жизнь въ Петербургѣ. Одно краткое оглавленіе сочиненія г. Григоровича даетъ уже понятіе о высокомъ интересѣ его содержанія, и надо отдать справедливость автору, что ожиданіе, возбуждаемое этимъ оглавленіемъ, вполне удовлетворяется прочтеніемъ самаго изслѣдованія.

Прослѣдимъ нѣкоторые моменты дѣятельности Безбородки по труду г. Григоровича, большею частью собственными словами біографа.

Въ годъ празднованія въ Москвѣ Кучукъ-кайнарджискаго ми-

ра, Безбородко былъ опредѣленъ ко двору Екатерины II, на должность секретаря ея для принятія челобитныхъ. По пріѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ январѣ 1776 года, трудолюбіе и способность на лету схватывать распоряженія Императрицы и облекать ихъ въ форму высочайшихъ повелѣній, скоро доставили Безбородкѣ видное положеніе.

Въ концѣ 1778 года о служебныхъ занятіяхъ своихъ онъ писалъ къ отцу въ Малороссію: «Служба наша пріятна и видна, но нескоро полезна бываетъ, а представлять у двора приличную функцію фигуру довольно надобно иждивенія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ что шагъ ступить, то и платить надобно. Впрочемъ, я не могу довольно нахвалиться пребываніемъ своимъ здѣсь. Ея Императорское Величество отъ дня въ день умножаетъ ко мнѣ свою повлѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что тамо вся публика и дворъ видятъ меня, яко перваго ея секретаря, потому черезъ мои руки идутъ дѣла: сенатскія, синода, иностранной коллегіи, не исключая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ». Современники Безбородки: дипломаты и лица, близко стоявшія къ дѣламъ, видѣли въ немъ дѣльца, выходившаго изъ ряда тогдашнихъ секретарей Екатерины.

Обильная служебная дѣятельность Безбородки за первые годы жизни его въ столицѣ не отвлекала его и отъ ученыхъ занятій. Въ періодъ съ 1776 по 1779 годъ онъ составилъ а) обширную историческую записку о Татарахъ; б) участвовалъ въ составленіи лѣтописи Малой Россіи, изданной Рубаномъ, и в) составлялъ по повелѣнію Государыни, «Хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II», которая, къ сожалѣнію, составителемъ біографіи не отыскана.

Въ концѣ 1780 года Безбородко подаль Государынѣ записку, извѣстную подъ названіемъ «Меморіала по дѣламъ политическимъ». По словамъ С. М. Соловьева, «записка эта имѣла весьма важное дипломатическое значеніе: въ авторѣ высказался тонкій и

дальновидный дипломатъ; она, почти слово въ слово, была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора».

Въ запискѣ Безбородко говорить, что, при условіи заключенія договора съ императоромъ Іосифомъ II, для Россіи нужно имѣть: 1) Очаковъ, 2) Крымскій полуостровъ и 3) одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австрія могла получить: Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія Оттоманской Порты. При этомъ предполагалось, что «ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ, сверхъ обоестороннихъ пріобрѣтеній, полезно было бы имъ условиться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакии, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго Императорскаго дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи».

Въ концѣ того же 1780 г. Безбородко былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ «полномочнаго для всѣхъ негоціацій», и въ тотъ же день произведенъ въ генераль-маіоры.

Вскорѣ послѣ причисленія къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ пріобрѣлъ полное, обстоятельное знакомство съ внѣшними политическими дѣлами и сталъ оказывать на ходъ ихъ вліяніе. Это какъ нельзя лучше подтверждаютъ депеши англійскаго посланника Гарриса.

Изъ многихъ его отзывовъ достаточно привести здѣсь одинъ, чтобы видѣть какое Безбородко имѣлъ значеніе въ политикѣ при началѣ вступленія своего на дипломатическое поприще. «Единственный человѣкъ, доносилъ Гаррисъ своему двору, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь Императрицы, и то только потому,

что это личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ, съ однимъ, Императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи».

Въ концѣ 1782 года Екатерина, оцѣнивъ многообразныя заслуги своего секретаря, отличила его вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками государства: 22-го сентября Государыня, празднуя годовщину двадцатилѣтія своего коронованія и въ память этого дня учредивъ орденъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, статутъ котораго былъ составленъ Безбородкою, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена.

Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственныя доходы, которыми далеко не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство обыкновенно покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія, болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Для достиженія этой цѣли была образована особая коммиссія изъ членовъ, которымъ больше другихъ сановниковъ были знакомы наши финансы. Выборъ этихъ лицъ, какъ кажется, возложенъ былъ на Безбородку, и вскорѣ онъ сдѣлался въ этой коммиссіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Еще не кончила своихъ работъ финансовая коммиссія, какъ онъ призванъ былъ къ новому труду по изысканію лучшихъ мѣръ къ переселенію въ Россію ногайскихъ ордъ.

Въ то самое время, когда обсуждался финансовый вопросъ и вопросъ о Татарахъ, 31-го марта 1783 года, умеръ графъ Н. И. Панинъ, еще за два года до кончины своей удалившійся отъ дѣлъ по разногласію съ княземъ Потемкинымъ. Мѣсто умершаго занялъ графъ И. А. Остерманъ съ званіемъ вице-канцлера. Всѣ иностранные агенты видѣли въ новомъ вице-канцлерѣ «только занимаемое имъ мѣсто». Кауницъ называлъ его «автоматомъ», императоръ Іосифъ — «соломенной чучелой» (*homme de paille*).

Именемъ вице-канцлера управляла его канцелярія, во главѣ которой стоялъ талантливый и дѣятельный Безбородко, при поддержкѣ князя Потемкина, любившаго вмѣшиваться во всѣ политическія дѣла. Съ удаленіемъ Панина, Потемкинъ сталъ дѣйствовать еще самостоятельнѣе и вмѣстѣ съ Безбородкою приготовилъ присоединеніе къ Россіи Крыма. Мысль о присоединеніи Крыма, какъ было сказано, секретарь Екатерины высказалъ еще въ 1776 г., въ исторической запискѣ своей о Татарахъ. «Остался одинъ только Крымъ, — писалъ тогда Безбородко, — и подвластные ему Татары, отъ которыхъ Россія уже съ двѣсти тому лѣтъ какъ страждетъ и раззоренія претерпѣваетъ». Эти обстоятельства побудили его совѣтовать правительству: «принять добрыя мѣры противъ сихъ нашихъ вѣчныхъ непріятелей, дабы единожды навсегда привести себя отъ нихъ въ безопасность и чрезъ то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствіе». Послѣдующія событія и разсказъ Безбородки въ автобіографической запискѣ его о дипломатическихъ трудахъ за первые годы своей службы при Екатеринѣ и о дѣятельности по присоединенію Крыма, ясно наводятъ на мысль, что «Записка его о Татарахъ» была извѣстна Императрицѣ, и что мысли его, выраженные въ ней, достигли блестящихъ, небывалыхъ въ исторіи результатовъ. «Еще въ концѣ 1777 года», читаемъ въ автобіографической запискѣ, «когда Государынѣ угодно было употребить меня въ дѣла политическія, я предлагалъ г. Бакунину, которому отъ Ея Величества поручено было сочиненіе наставленія фельдмаршалу, что независимость Татаръ въ Крыму ненадежна для насъ и что надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова; тогда еще о Кубани не было дѣла. Идея наша отчасти апробована была, и близко было дѣлать исполненіе. Все однакоже осталось не по нашимъ желаніямъ, для того что мы, отложивъ попеченіе о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, вмѣшались въ постороннія. Французы захватили въ руки нашу негоціацію, много испортили, однако насъ изъ хлопотъ вывели. Съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе Государыни о Греческой монархіи серьезно и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей

проектъ достойнъ великаго духа, а при томъ, что онъ конечно и исполненъ быть можетъ, ежели не стануть выпускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами. Для сего я сошлюся на самую Государыню. Когда Порта сдѣлала затрудненіе въ разныхъ выгодахъ по торговлѣ и въ дѣлѣ консула бухарестскаго, я, спрося Ея Величество, серьезно ли держаться того вида, и получа на то ея повелѣніе съ повтореніемъ, чтобъ вездѣ дѣйствовать гласомъ твердости ей свойственнымъ, присвоилъ себѣ всѣ сіи дѣла, вель ихъ такъ, какъ съ волею Монаршею было сходно и для интересовъ Россіи полезно, чѣмъ нажилъ неудовольствіе многихъ. Въ системѣ нейтральной, въ недопущеніи ввести ее въ морскую войну, немало я участвовалъ; а что принадлежитъ до связи съ Австрійскимъ домоу, то въ архивѣ секретномъ и теперь служитъ документомъ планъ мой, данный три дня спустя послѣ извѣстія о смерти императрицы-королевы (Маріи-Терезіи). Онъ былъ апробованъ, и вся перемѣна нынѣшняя есть слѣдствіе его. Сколько моего труда было по коммерческому съ Портою трактату и по Крымскому дѣлу! Скажутъ, что я только исполнялъ волю Государыни и дѣйствовалъ по ея генеральнымъ видамъ и намѣреніямъ; тутъ ясно, что были прежде меня министры, но было и то, что или не умѣли, или не очень хотѣли то приводить къ исполненію. Собственныя уваженія оныхъ превозмогли надъ всѣмъ прочимъ, а я боролся съ трудностями, не уважалъ непріятелей, не боялся, что много и страха, и всего было. Я посылаюсь на князя Потемкина, сколько моихъ стараній и работы было въ дѣлахъ нынѣшнихъ; онъ не запирался, что мысль о Крымѣ была паша общая и что къ исполненію ея были мы равными побудителями».

Въ октябрѣ 1783 года Безбородко избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Этимъ объясняется, что въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ находится портретъ Безбородки, копія съ подлинника Лампи.

12 октября 1784 г. Екатерина писала своему довѣренному секретарю: «Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ

даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшитъся усердіе мое къ тебѣ. Сіе говоритъ *Императрица. Екатерина* же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсываться за симъ».

Преимущественному вліянію Безбородки на дѣла немало способствовало также и то, что онъ, занимая должность секретаря, ближе и ранѣе могъ знать о существѣ дѣлъ, нежели Остерманъ, и прежде послѣдняго могъ слышать о нихъ миѣнія Государыни. Перевѣсь его надъ вице-канцлеромъ былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая однакожь не отдаляла отъ себя Безбородку, какъ способнѣйшаго и преданнаго ей дипломата. Недаромъ, она въ письмахъ своихъ къ Гримму, часто упоминая о его участіи въ исполненіи ея порученій, постоянно называетъ его не иначе какъ *factotum*.

Такъ смотрѣли на него и всѣ близко знакомыя съ дѣлами того времени лица. Министръ Гевуэзской республики, патрицій Риварола, говоритъ: «Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко, секретарь кабинета Ея Величества: онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ ней предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ бы могъ быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскому. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся, по мѣрѣ возможности, угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ».

Графъ Сегюръ, посолъ Франціи при нашемъ дворѣ, свидѣтельствуетъ что, политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Рассказывая затѣмъ, что Екатерина, «диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, обращала ихъ въ простыхъ секретарей», онъ говоритъ между прочимъ о Безбородкѣ, что «онъ скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью» и болѣе другихъ пользовался довѣріемъ

Императрицы». Еще точнѣе отзывался о графѣ Безбородкѣ Сардинскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, маркизъ де-Парело. Въ донесеніяхъ своему двору онъ писалъ, что «относительно дѣлъ важныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все состоитъ въ зависимости отъ трехъ, много четырехъ лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ монархини, именно: отъ князя Потемкина, графа Безбородки, князя Вяземскаго и Бакунина.» Окончивъ разсказъ о Потемкинѣ, маркизъ сравниваетъ его съ Безбородкою и при этомъ говоритъ, что послѣдній ровностью своего характера, кротостью и даже, можетъ быть, застѣнчивостью, какъ и небрежною простотою костюма, представляетъ странный контрастъ съ пышностью, самоувѣренностью и горделивою осанкою упомянутаго министра. Судя по наружности, можно бы подумать, что графъ пользуется второстепеннымъ кредитомъ при дворѣ и играетъ роль подчиненнаго, но если всмотрѣться поглубже, нельзя не замѣтить тотчасъ, что онъ стоитъ выше въ мнѣніи Государыни, чѣмъ первый, вся сила котораго зависитъ единственно отъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ необходимъ... Изъ всѣхъ однакожъ лицъ, находящихся въ составѣ министерства, я гораздо больше вѣрю въ его честность, чѣмъ всякаго иного, и если бы у меня было какое либо важное дѣло, мнѣ кажется, лучше всего было бы обратиться къ нему. Онъ умѣетъ цѣнить такое доказательство довѣрія, и это средство помогло уже многимъ, имъ пользовавшимся».

Въ первую половину царствованія Екатерины почтовое дѣло Россіи вѣдалось «Почтовымъ Департаментомъ», однимъ изъ трехъ департаментовъ «Публичной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ съ самаго опредѣленія своего ко двору. Уже съ этой поры онъ докладывалъ дѣла почтовые Императрицѣ, о чемъ свидѣлствуютъ резолюціи, писанныя его рукою на докладахъ по почтовымъ дѣламъ, и указы. Во время своихъ докладовъ Безбородко, вѣроятно, хорошо ознакомился съ состояніемъ почтъ въ Россіи, а потому и былъ назначенъ завѣдывать

непосредственно этимъ вѣдомствомъ: указомъ 20 декабря 1781 года Почтовый Департаментъ порученъ былъ «въ точное вѣдѣніе и наблюденіе генераль-маіору Безбородкѣ». Сослуживецъ его Малиновскій, въ рукописномъ своемъ сочиненіи говоритъ, «что для Безбородки почтовое правленіе, всегда завистѣвшее отъ вице-канцлеровъ, отдѣлилось отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ».

До него почтовое управленіе въ Россіи складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и притомъ случайныхъ указаній опыта, да и въ такомъ видѣ оно удовлетворяло лишь самымъ общимъ потребностямъ государственной и частной жизни. Безбородко внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ въ немъ весьма важныя улучшенія и измѣненія, какихъ требовало быстрое развитіе, сообщенное Екатериною II всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, и которыя послужили началомъ преобразованій, отчасти продолжающихся и въ наше время.

Г. Григоровичъ посвятилъ трудамъ его по почтовому вѣдомству отдѣльную главу.

Съ наступленіемъ 1786 года, почти одновременно, состоялись два высочайшія повелѣнія, изъ которыхъ однимъ графъ Безбородко назначался членомъ «Комиссіи о дорогахъ въ государствѣ», а другимъ—«Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ». Разсматривая дѣятельность Безбородки по званію члена Совѣта, нельзя не замѣтить, что дѣятельность эта была обширна и касалась предметовъ первостепенной государственной важности. Но, важная по предметамъ, къ которымъ относилась, она представляется еще болѣе вліятельною по тому значенію, какое графъ Безбородко имѣлъ въ Совѣтѣ, какъ членъ и въ особенности какъ постоянный докладчикъ верховной власти со дня поступленія своего въ него по день смерти.

Почти за годъ до поѣздки въ Крымъ Императрицы, начались приготовленія къ этому «историческому путешествію въ Таври-

ду». Главнымъ, чуть ли не единственнымъ исполнителемъ повелѣній Екатерины былъ опять Безбородко.

Труды, предпринятые имъ по этому поводу, были безпрерывны и разнообразны. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіе полугодоваго путешествія, были писаны самимъ Безбородкою. Даже мелочи проходили чрезъ его руки. Особенное вниманіе къ своему ближайшему секретарю, исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, путешествующая Императрица выражала тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ удостоивала своимъ посѣщеніемъ его имѣнія. И теперь, 3 іюня, она остановилась ночевать въ слободѣ Анновкѣ, принадлежавшей Безбородкѣ. Затѣмъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, наканунѣ выѣзда изъ нея въ Петербургъ, Императрица пожаловала ему домъ графа Бестужева-Рюмина.

Тревожныя политическія обстоятельства во всей Европѣ, особенно крайне неблагопріятное отношеніе къ намъ Турціи, которая не могла забыть блестящихъ побѣдъ Румянцова-Задунайскаго и видѣть равнодушно отложеніе Крыма отъ ея владычества, заставляли Россію зорко слѣдить за событіями въ Портѣ. Безбородко, понимавшій тогдашнее положеніе дѣлъ, нерѣдко писалъ о нихъ князю Потемкину и лондонскому послу нашему графу Воронцову.

Наши первые шаги въ войнѣ съ Турціею были неудачны: севастопольскій флотъ былъ разбитъ бурей, Потемкинъ упалъ духомъ, медлилъ осадой Очакова и молчалъ. Последнимъ обстоятельствомъ Безбородко весьма тревожился. Свои мысли о тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ высказалъ въ письмѣ къ графу Воронцову: «Ваше сіятельство съ симъ нарочнымъ получите довольно важную экспедицію, а могу сказать и трудную, потому что у насъ часто не легко отгадать чего мы желаемъ; теперь же еще къ сожалѣнію и больше оказывается, что и во вѣшнихъ дѣлахъ думаютъ такъ точно править, какъ во внутреннихъ. Я полагаю, что графъ Фалькенштейнъ, разговаривая со мною въ 780 году, въ Смоленскѣ, и по новости своей, а отчасти и ми-

нистра своего, считая меня въ связи съ покойнымъ графомъ Панинымъ, превознося сего послѣдняго похвалами, сказалъ, что управленіе иностранными дѣлами тѣмъ труднѣе предъ внутренними, что тутъ имѣемъ дѣло съ подчиненными и подданными, а тамъ съ людьми, которые эдиктовъ не слушаютъ, и коихъ ни краснорѣчіемъ, ни нравоученіемъ никогда съ собою не согласимъ. У насъ напротивъ того считаютъ, что все по нашей дудкѣ плясать должны, и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ переносить все и воздерживать первую пыль съ твердостію, то Богъ знаетъ какъ бы иное и пошло. Надежда вся на ваше искусство въ поручаемыхъ вамъ объясненіяхъ; а я долгомъ службы и дружества поставляю сказать вамъ все искренно, что въ мое понятіе вмѣщается... Не смотря на все ласкательства Франціи, здѣсь, конечно, неохотно поддадутся на какую-либо тѣсную съ ними связь, развѣ бы настали два обстоятельства: первое, возможность исполнить извѣстный большой планъ, и второе, явное недоброжелательство Англіи къ намъ или союзнику нашему; но первое я считаю вещью совсѣмъ удаленною, не столько еще по политическимъ соображеніямъ, сколько по нашему состоянію нѣкоторыхъ внутреннихъ частей, а прямо сказать, одной военной. Второе можетъ быть вамъ удастся объясненіями вашими удалить также, и потому есть надежда, что мы войну нынѣшнюю успѣемъ кончить, не связавшись и не имѣвъ нужды связаться ни съ Версальскимъ, ни съ Лондонскимъ дворами. Дружественные поступки, взаимные между нами и Франціею, и самое оказательство податливости нашей наружное на ихъ предложеніе, не должны бы были беспокоить Англію, если она къ интересамъ нашимъ доброхотна; а что мы, конечно, не рѣшимся противъ ея иначе, какъ по ея развѣ вызову, въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Самъ Императоръ, который имѣетъ меньше насъ нужды менажировать Англію, того мнѣнія, чтобъ удержать Францію въ благихъ расположеніяхъ, не дѣлать ей слишкомъ дальнихъ откровеній, а болѣе заставлять ее говорить; да и въ крайнемъ случаѣ нужды съ нею связаться, поставить себя и насъ ней-

тральными противъ Англіи, хотя, въ замѣну нейтралитета Франціи въ войнѣ турецкой. Мы располагаемся на сихъ дняхъ сдѣлать отвѣтъ Франціи учтивый, не отговяющій ихъ, но и насъ ничѣмъ не обязующій.

«Съ императоромъ у насъ также происходятъ перекоры, чтобъ онъ зачалъ дѣйствія, а онъ говоритъ, чтобъ мы зачали, какъ воюющіе, а онъ тотчасъ и свои откроетъ; но, между тѣмъ, надѣлалъ онъ, правду сказать, много лишнихъ и новыхъ вопросовъ. У него есть точныя съ нами условія; на случай диверсіи Прусскаго короля, вздумалъ онъ предложить еще случай, буде король рѣшится чѣмъ-либо овладѣть изъ Польши. Что мы тутъ пассивны не останемся, и что составимъ общее дѣло, за симъ отвѣтомъ не стало бы; но онъ требуетъ, какія мѣры мы возьмемъ тогда, какія войска и гдѣ они, да еще чтобъ и постановить о томъ актъ. Вопросы и сами по себѣ затруднительны, а настояніе объ актѣ и для того неудобнымъ считаю, что самъ же бы онъ, увѣрся въ мѣрахъ, зачалъ бы задирать Прусскаго короля, котораго удерживать пассивнымъ на время войны нашей требуетъ наша польза. Я постараюсь составить тутъ отвѣтъ, сходный съ доброю вѣрою Государыни, съ достоинствомъ и пользою Имперіи, и который бы отчасти успокоилъ Вѣвскій дворъ на всѣ случаи. Мнѣніе мое и въ Совѣтъ и у Ея Величества уже апробовано, и я теперь работаю надъ сего матеріею, неся тягость, что сочиненіе русское никто со мною не раздѣляетъ.

«Ваше сіятельство согласится со мною, конечно, что весьма нужно, дабы нынѣшняя война скорѣе кончилась. Думали прежде, что финансы наши всего менѣе ее вынесутъ; но тутъ теперь оказалось, что два года можемъ вести войну, не прибѣгая къ налогамъ. О, ежели бы и военная часть могла равняться съ сею частію! Тогда не уважали бы мы на всѣ другія околичности. Но полгода слишкомъ проходитъ въ приуготовленіяхъ. Взявъ со ста душъ рекрута, наполнили только армію, а болѣе 30.000 недостаетъ въ пограничныхъ однихъ гарнизонахъ. Теперь еще только готовымъ имѣемъ порохъ и снаряды, довольствуясь тѣмъ,

что одной полевой большой артиллеріи въ одной арміи 200, а въ другой 90 орудій, да осадной въ одной 128, въ другой 40 орудій. Что мѣшало, я не говорю объ Очаковѣ, сдѣлать какое либо покушеніе или поискъ? Даже и теперь сущей дряни за Бугомъ и по Днѣстру премного, которую побивъ, дали бы лучший покой и себѣ и Польшѣ, да и на весну себя много бы облегчили. Вы сами хорошо знаете сію часть и здраво объ ней судили.

«Слухи о начальникахъ напрасные. Они все тѣ же и перемѣны нѣтъ. Графъ Румянцовъ бодрствуетъ и дѣлами военными править, какъ человѣкъ, который не впервые командуетъ. Имя его ободрило въ Молдавіи, гдѣ насъ ждутъ нетерпѣливо, и гдѣ Арнауты Турковъ хорошо поколотили. Союзникъ нашъ на него весьма считаетъ и, кажется, хочетъ комбинировать свои операціи съ его арміею. Я видѣлъ о семъ письма Принца де-Ливія.

«Трудно себѣ представить мои работы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ недостаетъ, но то, что о многомъ надобно брать *ad referendum* (на донесеніе, т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину) въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьешься не скорого, но уже и никакого отвѣта. Время ближится къ высылкѣ флота нашего, а дѣло стало за войсками и генераломъ. По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ. Въ случаѣ неудачъ ожидаю навѣрное, что тутъ и негодованіе на насъ, а главнѣйшее на меня обратится, при пособіи всякихъ коварныхъ происковъ, кои опять здѣсь умножаться стали. Я истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ дѣлать лучше недостаетъ. Если бы можно было только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направишь бы я тогда всю возможность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелая добраго успѣха, своимъ покоемъ воспользоваться». Попросивъ затѣмъ Воронцова принять «все сіе за опытъ искренней предан-

ности и сжечь письмо», Безбородко прибавляетъ: «Если бы я не крѣпко корячился, во многихъ случаяхъ, не уважая, что и сердятся, не огрызаясь и не слаживалъ дѣла, то система наша съ Вѣнскимъ дворомъ въ ничто бы обратилась. Государыня не склонна къ Прусской системѣ, но меньшей дворъ въ рукахъ тамъ совершенно. Вице-канцлеръ, слѣдуя вездѣ за Англією, не прочь и теперь съ Берлиномъ чтобъ сойтися, лишь бы Англія хотѣла».

Когда обнаружилось приготовленіе Швеціи къ войнѣ съ Россією, на графа Безбородко легла новая тяжесть. 4 апрѣля 1788 года онъ писалъ между прочимъ гр. С. Р. Воронцову: «Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, ко-ему вы были свидѣтелемъ въ 1783 году. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ иного пути приобрѣсть и имя значущее и благосостояніе не послѣднее, теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали, но клевета на насъ была ясная, а оправданіе безъ явной репарациі можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны и тѣмъ кончивъ время свое, не втуне употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ».

Пока шли разсужденія о войнѣ и о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки, — секундъ-ротмистръ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Объ этомъ событіи не замедлил и Безбородко сообщить своему

другу С. Р. Воронцову: «О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ. Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо». Возвышеніе Зубова росло съ каждымъ днемъ и, подобно случаю Мамонова, было неблагопріятно для графа Безбородки.

Интрига двора и политическія событія шли своимъ чередомъ. Миръ съ враждебными державами представлялся необходимымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что Австрійскій и Берлинскій дворы существенно затрогивали интересы наши и Польшу, въ которой, дѣла казались, принимали тревожное для Россіи направленіе.

Пушечный громъ сраженія при островѣ Сескарѣ, въ маѣ 1790 г., послышался въ самомъ Петербургѣ. Храповицкій въ своемъ Дневникѣ свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины и ея ближайшаго секретаря, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. «Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ». «Таятся и не веселы». Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, «чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ».

Во время приготовленій нашего флота къ новымъ нападеніямъ на шведскій, въ августѣ 1790 г., было получено извѣстіе о заключенномъ мирномъ «оборонительномъ и наступательномъ союзѣ» съ королемъ Шведскимъ, подписанномъ 3 августа въ Верельской долинѣ, на берегахъ Кюмени. Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла Россіи съ Турціею; Екатерина съ своей стороны согласилась признать установленный имъ въ Швеціи образъ правленія и заплатить ему значительную сумму, въ видѣ вспоможенія, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Пруссіею.

По поводу этого мира Безбородко сказалъ: «Мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончатъ.»

За труды по шведской войнѣ Екатерина наградила Безбо-

родку со свойственною ей щедростію. Въ росписи наградъ, подписанной ею 8 сентября 1790 года, между прочимъ сказано: «Гофмейстеру графу Безбородку, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему дѣлъ Ея Величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ» 29 декабря въ Петербургѣ было получено столь же радостное, какъ заключеніе мира съ Швеціею, извѣстіе, о взятіи крѣпости Измаила. Съ извѣстіемъ этимъ являлась прочная надежда на скорый миръ и съ Турціею.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ Потемкина достигла столицы 12 октября, въ 5 часовъ пополудни, а къ 8 часамъ вечера члены Совѣта приглашались повѣстками собраться во дворецъ. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія Безбородко объявилъ, что Императрица въ этотъ самый вечеръ «получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генераль-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміею, такъ и по мирной съ Турками negociation». Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генераль-аншефу Каховскому, и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, «осмѣлился представить Ея Величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе Ея Величество и изволила принять за благо». Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки опредѣлилъ: «что возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно

его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры, сходно достоинству Ея Императорскаго Величества и благу государства, завременно принять надлежить».

Данный по этому случаю Безбородкѣ рескриптъ поименовываемъ прежніе рескрипты по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирные переговоры съ удержаніемъ въ пользу Императрицы «всего возможнаго на основаніи ультимата» и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ». Сообщая за тѣмъ о распоряженіяхъ данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ «надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами», рескриптъ заканчивается словами: «Да управитъ Всевышній путь вамъ и да поможетъ вамъ совершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро Отечеству».

На поѣздку и на издержки Императрица собственноручнымъ указомъ назначила Безбородкѣ «десять тысячъ золотою и серебряною монетою». 14 октября Екатерина подписала ему «полномочіе», при чемъ назвала Безбородку «нашъ любезновѣрный», а 16 октября 1791 г. передъ полуднемъ преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни послѣшенъ былъ отъѣздъ Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвинили его въ медлительности и провозглашали его «тяжелымъ и бесполезнымъ». Не такъ судила Екатерина. Вскорѣ по отъѣздѣ его, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: «О содержаніи турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лошкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, *«что тутъ ничего не будетъ пророчено»*. Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ де-Серра Капріола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 (12) ноября, ласкаетъ себя надеждою,

«что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ (Безбородко) соединяетъ къ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ тому жъ чрезъ его руки проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи». Съ отъѣздомъ Безбородки въ Яссы, между нимъ и Императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря. Ознакомившись съ ходомъ переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состоявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самойловымъ, Рибасомъ и Лошкаревымъ, Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. «Метода негоціаціи,—писалъ Безбородко Екатеринѣ,—тутъ употребленная, совсѣмъ не надежна для поспѣшнѣйшаго ея окончанія. Сообщая Туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо ежели они, по трудности своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы, и по крайней мѣрѣ до срока перемирія, будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподавъ я имъ ту самую методу, которая уже не одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ Туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей въ субботу (т. е. 8 ноября) конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размысленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оныя. Тутъ, хотя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получать, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныхъ примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ: *Первое*, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегались касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно покойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ Вашего Величества, не было

утверждено; слѣдовательно намъ должно и оставить себя господами рѣшиться, въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства, такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать не полезно. *Второе*, чтобъ держались основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая Туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгресахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представляютъ визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія и на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Бароцци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы конференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ».

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго ими на столѣ конференціи, Безбородко не считалъ однако денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ разсчитанною цѣлію—сосредоточить на немъ все упорство турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ. Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и, возвратясь, объявилъ, что сейчасъ придетъ графъ Безбородко». Съ этого момента зала конференціи обращается для Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и офиціально запи-

саны въ протоколъ, а Безбородко оживленно передаетъ ихъ въ допесеніи къ Императрицы отъ 29 декабря. «Какъ скоро мнѣ до-несено было (что Турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ Русскими артикулъ о кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождалися меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при рас-творенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ, въ изумленіи на ногахъ бывшихъ, что я радуюся, видя благоразумное ихъ согла-шеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ Ваше Величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя Ваши намѣренія были одержать пункты необходимо нужные для безо-пасности предѣловъ Вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, Вашу и Оттоманскую имперію населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе Ваше. Присовоку-пивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ това-рищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29 декабря трактатъ, попросили у меня дозволенія войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями сказалъ, что Ваше Величество велики въ войнѣ и мирѣ и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе». 1 февраля, въ письмѣ къ Я. И. Бул-гакову, Безбородко извѣщалъ, что размѣнъ взаимныхъ государ-скихъ ратификацій учиненъ 29 минувшаго января. «Дней черезъ десять—продолжаетъ Безбородко—отправляюся въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву».

Къ этому письму Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми Русскіе размѣнялися съ Турками.

Пока Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30 января въ Петербургъ изъ Яссы пріѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. «Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали», записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ. Въ этотъ же самый день Государыня наградила Безбородку 50-ю тысячами рублей денегъ и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатериной и Россіи заключеніемъ Яскаго мира. Безбородко, съ одной стороны, вполне зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ отношеній и потребностей а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неуныпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Безбородкою во время заключенія Яскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноинувшихъ событій. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающагося мѣстами къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. «Труды и искусство», оказанные Безбородкою при заключеніи Яскаго мира», говоря словами Екатерины, «въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему» Императрицы. Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполне принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки. Безбородко возвратился въ Петербургъ 10 марта 1792 г. На другой же день Импера-

трица поручаетъ ему написать указъ о пожалованіи П. А. Зубова въ генераль-поручики и генераль-адъютанты. Храповицкій объяснялъ это порученіе «дѣйствіемъ графскаго пріѣзда». И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полнаго и притомъ окрѣпшаго соперника по вліянію при дворѣ Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдаться, въ веденіи дѣлъ, чьему нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Морковъ, бывший пріятель и сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружались колебанія и противорѣчія. Такъ, по польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы «учинить съ польскими вельможами рѣшительное положеніе», у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самого Моркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его некого не опредѣлялъ ко двору. Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться въ важнѣйшихъ случаяхъ къ Государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ то же время допустить, что Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ выдвинулись при дворѣ и новые люди,

которые не раздѣляли воззрѣній Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и непріязни къ сопернику. Сдержанная вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ Безбородкѣ. Послѣдній, въ свою очередь, считалъ для себя унижительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастья, когда и къ покойному князю Потемкину «не учащаль», даже во время «самаго тѣснаго согласія съ нимъ». Между тѣмъ Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодаго царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата: она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ для другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Понятно, что такая сильная борьба, поведенная Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла быть пріятна Екатеринѣ. Какъ ни скромнень и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ Воронцова, былъ Зубовъ, но при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ Императрицѣ онъ едвали воздерживался отъ наговоровъ на Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и безъ сомнѣнія чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря.

Наступившій 1793 годъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ. Пока онъ ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что

онъ намѣренъ даже уѣхать за границу. Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжелой болѣзни, отъ которой едва оправился. По возвращеніи въ Петербургъ Безбородко ясно увидѣлъ, что онъ находится, выражаясь его словами, «въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ въ публикѣ». Интрига враговъ его дошла до крайнихъ предѣловъ: «дискредитированіе» пытались навести тѣнь на честное имя Безбородки, на его свѣтлый умъ и его извѣданную добросовѣстность. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія своихъ отношеній съ Екатериною. Онъ рѣшился чистосердечно изложить Государынѣ свои мысли по поводу «тѣсно ограниченной сферы дѣлъ», въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ Государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: «Къ собственному Вашего Императорскаго Величества прочтенію». Эту записку графъ Безбородко подалъ 30 іюня 1793 г., въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Зотова. На другой день, 1 іюля, Храповицкій записалъ: «Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана, и къ графу Безбородку возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ».

Содержаніе отвѣта Екатерины занесено Храповицкимъ въ дневникъ его: «Графъ Безбородко далъ мнѣ прочтатъ отвѣтъ на записку его собственноручный Ея Величества. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія». Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его Государыня вполне понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и

можно и стоить оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтѣ такъ же ясно просвѣчивался намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, Императрица имѣетъ еще другого человѣка.

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатерины къ Безбородкѣ обнаружилось 2-го сентября 1793 года, въ день, когда, совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго Безбородкою съ Турками Яскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: «Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуется похвальная грамота и масличная вѣтвь, да притомъ деревня».

Въ послѣдующіе годы царствованія Екатерины хотя и становились прежнія отношенія Безбородки къ Императрицѣ, но уже довѣренный секретарь не имѣлъ того вліянія на дѣла, хотя и видимо былъ отличаемъ отъ другихъ царедворцевъ. Екатерина поручила ему быть шаферомъ великой княжны Александры Павловны, сдѣлала его оберъ-гофмейстеромъ, и наконецъ предсѣдателемъ комитета по перечеканкѣ мѣдной монеты, учрежденнаго по проекту Зубова.

Насколько имѣлъ графъ Безбородко вліянія на внутреннія дѣла, видно уже изъ огромнаго количества актовъ и документовъ, прошедшихъ черезъ его руки. Безъ преувеличенія можно повторить слова академика Устрялова, что «рѣдкое изъ внутреннихъ учреждений въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки».

Манифестъ 6 ноября 1796 года возвѣщалъ Русскому народу, что «къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ лѣтнемъ царствованіи, переселилась въ вѣчность Императрица Екатерина II», и что на престолъ возшелъ ея сынъ и наслѣдникъ Императоръ Павелъ I. Обласканный

новымъ государемъ, Безбородко не переставалъ оплакивать Монархиню: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера.

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими управляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ Государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера Государя, а быть можетъ, и въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ Государѣ. Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго Императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мъ часовъ утра должны были являться къ Государю. Роскошная и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Сибирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами.

9 ноября 1796 г. Павелъ возвелъ Безбородку въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ.

Очутившись такимъ образомъ вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, «говорили и писали около сего времени, что при Государѣ только два человѣка, Безбородко и Трошинскій: одинъ министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали», и что Безбородко, какъ «первый министръ», долженъ былъ являться къ Государю всякое утро. Въ концѣ марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье. Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному приему высочайшихъ особъ, избравшихъ его московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. «За недѣлю до коронаціи», писалъ Безбородко къ своей матери, «когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица перстень съ ея портретомъ».

На коронаціи, 5-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ письмѣ къ своей матери, Безбородко рассказывая, что онъ получилъ по этому случаю еще значительную недвижимую собственность, прибавляетъ: «Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвоая мнѣ титулъ свѣтлости и жалуя, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу».

Въ началѣ апрѣля 1797 года 72-лѣтній канцлеръ графъ Остерманъ былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Безбородко. Борьба съ Наполеономъ западной Европы поглощала въ то время политику нашего двора, которая не мало

обязана дипломатическому генію князя Безбородки. Онъ въ правѣ былъ потому сказать молодымъ дипломатамъ: «не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла».

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ необходимому убѣжденію, оставить службу и ѣхать за границу; среди сборовъ онъ скончался на 52 году своей жизни, 6-го апрѣля 1799 года, въ своемъ петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Авторъ біографіи въ заключеніе своего труда говоритъ: «Разсказъ мой о жизни канцлера князя Безбородки конченъ. Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ геніально-умный человѣкъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родственникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный сановникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Нельзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувствію къ наукѣ и искусствамъ и по государственнымъ заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздой, къ которой пристально будетъ присматриваться потомство».

Уже эти немногія извлеченія изъ составленной г. Григоровичемъ біографіи могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ много этотъ трудъ представляетъ новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Правда что значительная часть заключающихся въ этомъ трудѣ свѣдѣній сообщена авторомъ подлинными словами документовъ, особенно писемъ Безбородки, но это, по нашему мнѣнію, никакъ не составляетъ недостатка, а напротивъ придаетъ представленнымъ фактамъ особенный интересъ, и мы не можемъ не согласиться съ приведенными въ предисловіи г. Григоровича словами кн. Вяземскаго, что «письмо—это самая жизнь, которую за-

хватываешь по горячим слѣдамъ», и что «самыя полныя, самыя искреннія записки (мемуары) не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, или по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою». Поэтому-то, прибавимъ мы, живой интересъ, заключающійся въ подобныхъ документахъ, никакъ не можетъ быть замѣненъ какимъ бы ни было тщательно и умно обработаннымъ изложеніемъ содержащихся въ нихъ фактовъ и мыслей. И авторъ біографіи совершенно правъ, говоря: «Въ письмахъ своихъ Безбородко высказывается весь, со всею накопившеюся на его сердцѣ болью и горечью жизни; только изъ нихъ можно уяснить до нѣкоторой степени привлекательный образъ и своеобразный отличительный отъ другихъ личностей характеръ Безбородки».

Мы признаемъ весьма суцественною заслугою г. Григоровича неутомимыя старанія, благодаря которымъ ему удалось собрать такое множество писемъ и другихъ писанныхъ самимъ Безбородкою бумагъ, хотя онъ и сознается, что имъ не выяснено и не найдено многое для подтвержденія фактовъ, очевидно совершившихся. Нѣтъ сомнѣнія, что будущимъ изслѣдователямъ остается дополнить тѣ пробѣлы, которые не могутъ не оказаться въ трудѣ г. Григоровича и на которые самъ онъ въ разныхъ мѣстахъ его добросовѣстно указываетъ; но мы полагаемъ, что имъ сдѣлано все, чего въ настоящее время можно справедливо требовать, для выполненія предпринятой имъ задачи.

Г. Григоровичъ своею монографіею съ одной стороны положилъ твердое прочное и начало дальнѣйшему изученію плодотворной жизни и дѣятельности Безбородки, а съ другой внесъ важный вкладъ въ литературу исторіи Россіи XVIII вѣка. Поэтому Академія считаетъ особенно отраднымъ обстоятельствомъ представляющійся нынѣ случай увѣнчать разсмотрѣнное сочиненіе преміею гр. Кушелева-Безбородки. Въ ожиданіи появленія въ свѣтъ этого труда, къ изданію котораго г. Григоровичъ обѣщаетъ приложить портретъ канцлера и нѣкоторыя другія иллюстраціи, а

также указатель, нельзя въ заключеніе не пожелать ему полнаго успѣха въ довершеніи предпріятія, веденнаго имъ съ такимъ примѣрнымъ тщаніемъ и постоянствомъ, и не присоединить къ тому еще и другого желанія: чтобы въ нашей ученой литературѣ являлось болѣе и болѣе тружениковъ, оживленныхъ такою же любовью къ наукѣ и такимъ же серьезнымъ стремленіемъ къ обогащенію ея основательными трудами.